

ВИТАЛИЙ ЛАЗАРЕВИЧ ГИНЗБУРГ В МОЕЙ ПАМЯТИ

В.М.Кошкин

Я физик из Харькова. Поступив в Харьковский университет в 1954 году, уже через месяц после начала занятий я познакомился с Гинзбургом. Правда, Виталий Лазаревич узнал об этой встрече со мной только через 32 года... Та встреча, конечно, была заочной: когда распределяли темы докладов в физическом кружке, я выбрал книжку Гинзбурга «Сверхпроводимость». Думаю, что таких же, как и я, знакомых у Виталия Лазаревича – не один десяток тысяч. Я не предполагал тогда, что личность автора этой книжки станет настолько значимой в моей жизни.

В физике XX века Харьков никогда не был научной провинцией (сейчас это уже совсем не так, к прискорбию...). Именно здесь в 30-тые годы родилась теоретическая школа Ландау, здесь основал экспериментальную школу физики низких температур Шубников, здесь начиналась ядерная физика Советского Союза, здесь работали Синельников, Вальтер, Лейпунский, Горский, Обреимов.... Мое поколение училось у выдающихся физиков: И.М.Лифшица, А.И.Ахиезера, Б.Г.Лазарева, Я.Б.Файнберга, Д.В.Волкова, Я.Е.Гегузина, Л.С.Палатника, Б.И.Веркина, М.И.Каганова.... Можно (и нужно было бы) назвать еще много имен. Я привожу их здесь только для того, чтобы было понятно: у нас в Харькове были выдающиеся учителя, и нам было «делать жизнь с кого». Гинзбург с моих 18 лет был неким «внесистемным» эталоном, как электроновольт, например, в системе СИ. До 1986 года, когда я познакомился с ним лично во время двухнедельной школы-конференции на Амуре – на корабле, несшем на своих палубах интеллект в поразительной, даже по тем (интеллектуально-обильным) временам, концентрации.

К этому моменту с именем В.Л. у меня было связано уже не только юношеское впечатление о его популярной книжке «Сверхпроводимость». К этому времени я уже лет 10 или 12 был профессором, и уже сам вел физические кружки. Много тем, которые я предлагал моим студентам для докладов были «из Гинзбурга». Я рассказал В.Л., что одна из таких тем была по его работе о «сверхсветовых» скоростях перемещения солнечного зайчика. Он был удивлен (думаю, что приятно), так как не считал эту свою работу чем-то значимым. Не помню, в связи с этим – или в каком-то другом разговоре, В.Л. сказал приблизительно следующее. «Приходят на рецензию статьи. Конечно, отсеив. Но если вижу оригинальную идею, то иной раз готов простить, даже если аргументация недостаточна. Лишь бы не очевидно ошибочная! Или просят представить какую-то работу в «Доклады». Обычно отказываюсь представить доброкачественную, но стандартную работу. Но всячески поддерживаю ту, где есть свежая идея, даже если она только обозначена в статье». И это слова Гинзбурга – непримиримого противника любой псевдонаучной деятельности. Гинзбург был поразительно критичен по отношению к собственному критицизму.

Может быть, вы вспомните, обзор М.Б.Менского в Успехах физических наук в 2000 году приблизительно. Статья о возможном влиянии сознания на измерения. Замечательная работа, хотя я далеко не уверен, что понял ее глубоко. Я не сомневаюсь, что эта идеология была радикально неприемлема для В.Л.. Мне кажется, он видел в ней путь к клерикализму. Но он, Гинзбург – главный редактор главного физического журнала страны. И он считает своим долгом (научным? человеческим?) опубликовать статью.

То, что Гинзбург писал – это всегда его слова. А не слова его учеников, референтов или коллег, просто подписанные им. Лет 10-12 назад я хотел прочесть некий курс, объединяющий естественные науки. Написал короткий проспект (страниц 5 или 7). Более высокого критерия, чем В.Л., быть не могло. Я послал текст ему. Вскоре получил письмо, которое было для меня вдохновляющим. Курс организовать мне так и не случилось. Не стану излагать причины – они похожи и в России, и в Украине. Но мне все-таки хотелось, чтобы идея не пропала, и я с коллегами (в 2005 уже году) написал книгу-проспект и, конечно, хотел, чтобы В.Л. предпослал книжке некие слова. Это было еще перед его тяжелой болезнью. Я получил ответ, написанный со слов В.Л. очень близким ему человеком. Смысл был такой: В.Л. просит извинить, но сейчас зрение настолько слабое, что прочесть 200 страниц – тяжело. Написать же что-то не прочитав, невозможно, конечно. Я уверен, что В.Л. хорошо относился ко мне. Но ответственность за то, что написал – прежде всего. Это свойство личности. Личности Гинзбурга.

Я говорил о «внесистемном» влиянии Гинзбурга на меня. Вот еще пример – совсем уже научный. В начале 70-х годов Гинзбург опубликовал работу, в которой предсказал возможность нефононного (экситонного) механизма образования Куперовских пар. В.Л. придумал и возможную материализацию идеи: слоистые структуры с чередованием слоев металла и слоев диэлектрика. Одновременно с В.Л. похожую идею выдвинул также Литтл. Прочитав эти работы, я предложил сразу трем моим аспирантам заняться разными аспектами интеркаляции. Это явление состоит в том, что при неких условиях неорганические кристаллы слоистой структуры (похожие на графит или слюду), помещенные в среду из определенных органических молекул, «впитывают» эти молекулы в межслоевые промежутки. Создаются именно такие структуры, которые «умозрительно» конструировал В.Л.. Жаль, конечно, что к высокотемпературной сверхпроводимости нам продвинуться не удалось. Но занятие системами «а ля Гинзбург» оказалось и увлекательным и плодотворным – мы обнаружили много необычных явлений, исследуя такие системы. В 1986 году, когда я на самом деле познакомился с В.Л., я уже мог многое рассказать по этому поводу. Он вежливо выслушал, но «несверхпроводящие» аспекты его не увлекли (по крайней мере, в моем исполнении).

То, как я познакомился с В.Л. – тоже характеризует его как личность. Конференция на Амуре. Первые дней пять-шесть по утрам – лекции Гинзбурга о современной физике. Излишне говорить, как я ждал этих лекций! Первая лекция, вторая... Популярные вещи, для школьников девятого и десятого класса – как мне казалось (я тогда еще не понимал, что рассказать настоящую физику так просто – это и есть

высший пилотаж ученого). И я веду себя мерзко: перебиваю, задаю вопросы, на которые сам знаю ответ, гнусно рассказываю наперед то, что лектор произнесет через пару минут. Мне стыдно даже сейчас, когда это пишу – через двадцать пять лет! Все это было не для того, чтобы покрасоваться – нет-нет! – просто меня раздражало, что мой кумир, великий Гинзбург – рассказывает тривиальности! Где-то на исходе третьего или четвертого дня нашего путешествия Д.А.Киржниц, с которым я познакомился едва ли не в первый же день (я знал по крайней мере две замечательных работы Давида Абрамовича – о плазменных частотах в поглощении излучений тяжелыми атомами и его информационную модель в эволюции черных дыр) говорит мне, что В.Л. хотел бы со мной встретиться. Я, признаться, в смятении. Вот я перед Гинзбургом. Поразительно, но он испытывает неловкость. Я-то – конечно, но он... «Вам не нравится то, что я рассказываю на лекциях?..» Это Гинзбург спрашивает – у меня!.. Я действительно – в смятении. Единственный выход – рассказать все по-правде. Что я и делаю. И через десять минут – мы (я и Гинзбург!) становимся равными собеседниками. Мы общались тогда с В.Л. несколько раз – и подолгу. Эти встречи остались в моей памяти навсегда. Гинзбург вполне отчетливо сознавал масштаб того, что он сделал в науке – и при этом был иной раз просто ироничен по отношению к себе самому. Если хотите: самоирония – это признак незаурядности. А может быть, величия... По-моему, главной личностной чертой В.Л. была искренность. И – равнодушие, желание действовать во имя того, что он считал справедливым. Именно поэтому, мне кажется, он стал делегатом того первого, Горбачевского, Съезда народных депутатов, когда многим из нас показалось, что страна в преддверии свободы. К сожалению, все-таки только показалось.... Не знаю, сознавал ли В.Л., что его публицистика играла заметную общественную роль. Его статьи и интервью. С ним соглашались или не соглашались – но читали непременно. Он не испытывал неловкости обсуждать любую общественно значимую тему – именно потому, что говорил искренне, так, как понимал. В.Л. несколько раз присылал мне оттиски (или ксероксы) своих статей, в том числе, публицистических (я гордился этим, горжусь и сейчас). В одной из таких посылок был текст его интервью «Литературной газете» - о еврейском вопросе. Не стану ничего пересказывать, но то, как я понимаю этот вечный вопрос для себя – точно совпадает с пониманием В.Л.. Это интервью Гинзбурга произвело на меня настолько сильное впечатление, что я написал некие стихи по этим мотивам. Потом они вошли в некий цикл стихов. Я это опубликовал в одном из сборников своих стихотворных упражнений. Это стихотворение посвятил В.Л.. Конечно, просил разрешить посвящение. Ответ: «Сочту за честь». Я рискну привести здесь эти стихи, посвященные В.Л.

IV Декларация веры

В.Л.Гинзбургу

Что мне сказать, коль Мессия придет?
Господи, что я наделал!
Ужель опозорил еврейский род

Делом любви? Тем делом,

Что главным считал и считаю теперь
В моем исполнении.
Не верю в избранность! Хоть я еврей.
Бог знает - в каком поколении.

Нет! Верю! В избранность душ и лиц,
В избранность духа и плоти -
Не национальную - а лишь
В личную избранность. Я против

Всех тех, кто разъединил
Евреев и гоев.
Я русских женщин люблю и любил -
И в счастье и в горе.

Ненавижу мерзавцев любых -
Христиан, мусульман, иудеев.
Ненавижу! - вчистую забыв
Их национальное происхождение.

Что же, мне божьи кары грозят
Как изменившему вере
За то,
что преданнейшие мои друзья -
Не только евреи?

Я верю в избранность
честных и смелых,
талантливых, добрых -
не только евреев!
Я поглощен
этой верой земною.
И знаю,
что Бог -
неизменно -
со мною.

V. Декларация любви

*Всем мною любимым -
Евреям и не-евреям.*

Уже не при жизни, но я вернусь
В Иерусалим - вместе с Мессией.
Я сброшу - к ногам Его - тяжкий груз
Сыновьей моей любви к России.

Я просить буду немногого.
Я, еврей, Россией гонимый сроду, -

Я - буду просить у ног Его
Прощенья русскому - моему! - народу.

Когда книжка вышла, послал ее, конечно, В.Л. Я, как и В.Л., атеист. Слова «Бог» и «Мессия» у меня – просто символы Добра. Позвольте на этом закончить воспоминания о моих взаимодействиях с В.Л. Я не был его учеником. Я не был с ним настолько близок, чтобы показать некие неизвестные другим штрихи личности Виталия Лазаревича Гинзбурга. Мои воспоминания о нем могут, вероятно, послужить иллюстрацией того, насколько мощным было влияние личности В.Л. даже на столь отдаленных от него, пространственно отдаленных, людей.